

ТЕМА НОМЕРА

СОЦИОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (К 80-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)

DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.709

Историческая память о Великой Отечественной войне: причины плюрализма

Ссылка для цитирования: Широкалова Г. С. Историческая память о Великой Отечественной войне: причины плюрализма // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 2. С. 19–35. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.709

For citation: Shirokalova G. S. Historical memory of the great patriotic war: reasons for pluralism. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 19–35. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.709

**Широкалова
Галина Сергеевна¹**

¹Приволжский филиал ФНИСЦ РАН,
НГЛУ им. Н. А. Добролюбова,
Нижний Новгород, Россия

shirokalova@list.ru

AuthorID ПИНЦ: 497528

Аннотация. В статье анализируются результаты социологического исследования исторической памяти студенчества в целом о Второй мировой войне (и Великой Отечественной в частности), проведенного Российским обществом социологов¹ в 2020 г., а также материалы опросов других научных коллективов. Автор приходит к выводу, что историческая память формируется в первую очередь информационным полем, задаваемым государственными институтами или поощряемыми им (школой, СМИ, сетевыми ресурсами). Противоречивая оценка событий XX в. привела к разрыву исторической памяти поколений и формированию значительной группы готовых принять пересмотр геополитических итогов войны с позиций фальсификаторов истории. Отношение молодежи к прошлому без учёта причинно-след-

¹ Общероссийское исследование РОС «Что мы знаем о Великой Отечественной...» является четвёртым этапом проекта, начало которому было положено в 2005 г. Руководитель д. филос.н., проф. Ю. Р. Вишневский, члены организационного коллектива: д. филос. н., проф. В. А. Мансуров, д. соц. н., проф. Н. В. Дулина, к. соц. н., доц. Е. Н. Икингрин, с. н. с. ФНИСЦ РАН Е. Пронина, д. соц. н., проф. Г. С. Широкалова, к. соц. н., доц. Д. В. Шкурин. Десять тысяч шестьдесят пять студентов, граждан РФ, ответили на вопросы о Великой Отечественной войне. Полевой этап исследования по методике online-анкетирования проходил на CAWI-сервере с декабря 2019 по март 2020 г. В рабочую группу входили преподаватели более 80 вузов из 50 городов РФ. Обработка данных в программе Vortex 10. Обобщающие характеристики исследования см.: «Спасибо прадеду за Победу... Материалы IV этапа мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне»: коллективная монография / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого: Мин-во науки и высшего образования РФ. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 352 с.

ственных связей событий того времени объясняется не только угасанием коммуникативной памяти в связи с уходом военных поколений, десакрализацией их жизни, подвига, смерти. Круг факторов значительно шире. Поскольку нет целостной картины истории СССР, нет ценностного стержня для оценок событий и Великой Отечественной войны. В условиях отсутствия в Российской Федерации исторической гигиены весь советский период становится для новых поколений историческим антиквариатом. К нему относятся по-разному: с почтением, снисхождением, агрессивностью, индифферентно, но он избыточен для повседневной жизни большинства. Тиражируемый 9 Мая слоган «Если надо – повторим/можем повторить» не более чем кратковременная эмоциональная реакция, в том числе на пиар-управление, но не готовность/установка/обещание действий в условиях реальной войны. Противопоставление государства стране, которое нашло отражение в популярной у молодёжи песне группы Люмен, фактически свидетельствует об отчуждении и от государства, и от страны поскольку нет одного без другого. Неизбежны вопросы: адекватны ли методологии и методики, на основе которых обществоведы выбирают круг факторов, формирующих портрет современной молодёжи и прогнозируют направление дальнейшей социализации её отдельных групп? Сколько должно быть смысловых коллаборационистов, чтобы проиграть/выиграть цивилизационную битву, в которой историческая память лишь одна из составляющих? По мнению автора, условия и возможности реализации желаемых мировоззренческих ценностей в современной России корректируют отношение к настоящему и жизненные стратегии молодёжи в большей степени, чем историческая память.

Ключевые слова: молодёжь, студенты, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, историческая память, ценности, возможности, Россия

В 2020 г. по инициативе вице-спикера Госдумы И. Яровой ужесточено наказание по статье 354.1 «Реабилитация нацизма» УК РФ, введённой Федеральным законом 05.05.2014 N 128-ФЗ. Например, за отрицание приговора Нюрнбергского трибунала и распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны с использованием служебного положения или в интернете будет грозить штраф от 100 до 500 тыс. рублей или в размере заработной платы, иного дохода осуждённого за период от одного года до трёх лет, либо принудительные работы на срок до пяти лет, либо лишение свободы на такой же срок с запретом занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до трёх лет¹.

Одной из причин принятия поправок стало распространение среди молодёжи «осквернения символов воинской славы России, совершённых публично». Сторонником России в деле сохранения исторической памяти является Израиль, который, по мнению д.и.н. А. И. Миллера, «никогда не согласится с тем, что делают институты национальной памяти в Польше и – особенно – на Украине, или с политикой памяти в Эстонии, Латвии, Литве»².

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // URL: <http://docs.cntd.ru/document/9017477> (дата обращения: 7.11.2020).

² «Историческая память – еще одно пространство, где решаются политические задачи». 12.2019 // URL: (дата обращения: 23.02.2021).

В этом же 2020 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла предложенную Россией резолюцию, которая провозглашает 8 и 9 Мая Днями памяти всех жертв Второй мировой войны¹.

Риски как неизбежный результат принятия данных документов

Нюрнбергский трибунал даёт систему координат в виде решений суда и доказательной базы процесса, но кого считать «всеми жертвами» Второй мировой войны? На первый взгляд, это понятное стремление на фоне «памятнικοпада», имеющего место во всех странах, не щадящего даже основателей современных государств, остановить варварство толпы и цинизм отдельных политиков. Но не повсеместность этого явления, по нашему мнению, стала причиной единодушного принятия резолюции.

В условиях идеологической войны она открывает возможность признать жертвами всех, а следовательно, и реабилитировать тех, чьи фамилии не прозвучали в Нюрнберге. С другой стороны, появление новых жертв влечёт появление новых преступников, и отнюдь не тех, кто сносит памятники сегодня, а тех, кто с определёнными целями будет «переименован» из героев в палачи, а из палачей в герои, как это произошло с генералами П. Н. Красновым, А. Г. Шкуро и др. Иначе говоря, открывается новый фронт борьбы с прошлым, и прежде всего в странах, ранее входивших в Варшавский договор, а сегодня стремящихся стать «своими» в западном мире.

В качестве примера приведём дискуссию, возникшую в 2020 г. в Белоруссии, которую всегда ставили в пример как государство, наиболее бережно относящееся к памяти о ВОВ. Речь идёт о позиции «белорусских «змага́ров»»: что делать с Белорусским государственным музеем истории Великой Отечественной войны в Минске после того, как будет свергнут президент Александр Лукашенко», поскольку Великая Отечественная для Белоруссии была «чужой и навязанной». После победы белорусской «революции достоинства», считают «змага́ры», этот музей-мемориал, открытый в 1944 году, уже будет не нужен, поскольку является для «свободной Белоруссии» символом «тирании» Лукашенко. Лучшим вариантом было бы перепрофилировать его «в музей оккупации и террора. Пусть он показывает не планы грандиозных наступательных операций маршала Жукова и партбилеты политруков, а муки и пытки, которые терпели жители Белоруссии всех национальностей от нацистского, советского и лукашистского режимов»². Напомним,

¹ ООН по инициативе России провозгласила 8 и 9 Мая Днями памяти жертв Второй мировой войны // URL: https://tass.ru/obschestvo/9926223?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1604667960000.05.11.2020 (дата обращения: 10.11.2020).

² «Змага́ры»: Музей истории Великой Отечественной войны нам не нужен! // URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/08/19/zmagary-muzey-istorii-velikoy-otechestvennoy-voyny-nam-ne-nuzhen.19.08.2020> (дата обращения: 29.10.2020).

что после осквернения обелиска «Минск – город-герой» 14 августа 2020 г.¹, организованного противниками Лукашенко, армия вынуждена была взять под свою охрану мемориал Победы и другие памятники².

Оценивая позицию националистов, президент «Центра системного анализа и прогнозирования» Р. Ищенко отмечает: «Если иметь в виду национальные движения – что на Украине, что в Белоруссии, – они потомки тех, кто сотрудничал с Гитлером. В конечном же итоге БНР выродилась в коллаборационистов, а УНР – в бандеровщину. А дальше логика простая: если ваши духовные предки – это люди, сотрудничавшие с Гитлером, то вам память о ВОВ стоит как кость в горле»³. Но дело не только в духовных предках: на бывших (и не бывших) оккупированных территориях достаточно и прямых потомков⁴.

На Украине Министерство образования и науки предлагает штрафовать и увольнять учителей за использование словосочетания «Великая Отечественная война». За нарушения – сообщения в полицию, осуждение в коллективе, увольнение. Великую Отечественную официально надо называть советско-немецкой фазой Второй мировой войны, историю Украины с 1919-го по 1991 гг. – советской оккупацией⁵.

Региональные характеристики исторической памяти

С 1 июля 2020 г. ст. 67.1 п. 3 Конституции РФ гласит: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление подвига народа при защите Отечества не допускается». Сократится ли количество дезинформации в условиях, когда у каждого учителя, политика и СМИ «своя правда»? [10, с. 36].

В 2020 г. Российским обществом социологов проведено исследование исторической памяти студентов. Приведём некоторые результаты, которые свидетельствуют, что информация о войне откорректирована за последние десятилетия очень существенно. Причём наряду с традиционными вопросами по шкалам «кого помнят», не несущими ценностной составляющей (Гитлера знают все), нами были взяты результирующие оценки событий Второй мировой войны.

¹ Толочко В. Суд о повреждении обелиска «Минск – город-герой» начнётся 3 ноября // URL: <https://sputnik.by/incidents/20201103/1046043117/Sud-o-povrezhdenii-obeliska-Minsk--gorod-geroy-nachnetsya-3-noyabrya.html> (дата обращения: 05.11.2020).

² Ботороева Е. Минобороны Белоруссии на фоне протестов взяло под охрану памятники // URL: https://www.pnp.ru/in-world/minoborony-belorussii-na-fone-protestov-vzyalo-pod-okhranu-pamyatniki.html?utm_source=relap. 23.08.2020 (дата обращения: 09.10.2020).

³ Юрченко Н. Чёрные тени. Националисты хотят закрыть музей ВОВ в Белоруссии // URL: <https://life.ru/p/1341016/>. 21 августа 2020 (дата обращения: 29.10.2020).

⁴ Охота на палачей. Советские предатели, не избежавшие правосудия // URL: <https://ria.ru/20190811/1557216270.html>. 11.08.2019 (дата обращения: 29.10.2020).

⁵ Лихоманов П. Мандзий и дети // URL: <https://rg.ru/2020/10/21/ukrainskih-uchitelej-nakazhut-za-veliku-otechestvennu-voynu.html>. 21.10.2020. (дата обращения: 29.10.2020).

Предполагалось, что ответы респондентов будут значительно отличаться в зависимости от географического положения региона. Поэтому для данной статьи выбраны город-герой Волгоград (868 чел.) как символ мужественного сопротивления, Нижний Новгород (615 чел.), который подвергался бомбёжкам (бомбардировки города, в ту пору называвшегося Горьким, стали самыми крупными ударами авиации Люфтваффе по тыловым районам СССР в годы войны¹), и Оренбург (278 чел.), бывший в глубоком тылу. Начнём анализ с общей оценки вклада СССР в победу над фашизмом (см. табл. 1).

Прежде всего отметим, что существенных отличий в оценках по регионам проживания респондентов нами не выявлено: чуть бо́льшая лояльность оренбуржцев к союзникам – в пределах погрешности.

Таблица 1 (Table 1)

Оценка вклада стран антигитлеровской коалиции в победу над фашизмом, %*
Assessment of the contribution of the countries of the anti-Hitler coalition to the victory over fascism, %

Страна	Вклад								
	Значительный			Не очень значительный			Незначительный		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
СССР	99,0	98,2	99,3	1,0	1,3	0,7	0,0	0,5	0,0
США	27,1	26,1	29,0	51,8	49,7	48,8	21,1	24,2	22,2
Англия	26,6	23,4	30,5	53,4	53,2	49,8	20,0	23,4	19,8
Франция	16,0	16,3	16,5	50,1	53,4	51,7	34,0	30,3	31,8

*1. – Волгоград, 2. – Н. Новгород, 3. – Оренбург.

Относительность знаний о Второй мировой войне хорошо видна на примере высокой оценки каждым шестым роли Франции в победе над Германией. Приведём лишь несколько фактов, показывающих ошибочность такой позиции. Франция вместе с Англией объявила войну Германии 3 сентября 1939 г., военные действия начала в апреле 1940 г., 22 июня 1940 г. Франция капитулировала перед Германией, оккупировавшей 2/3 её территории, а уже в ноябре 1942 г. Германия оккупировала всю территорию Франции, сохранив некоторые африканские колонии. Освобождена Франция была в декабре 1944 г. совместными силами французской, американской, британской и канадской армий².

Что касается США и Англии, то оценить в баллах или процентах их роли, как и роль СССР, в разгроме фашизма невозможно: слишком много показателей, которые не имеют количественного измерения. Нельзя измерить значение помощи союзников Советскому Союзу, в том числе и через ленд-лиз, измерявшийся в «тоннах и штуках». Мы солидарны

¹ Как бомбили город Горький // URL: <http://nevvod.ru/stati/gorod/istoriya/2684-kak-bombili-gorod-gorkiy/> (дата обращения: 28.10.2020).

² Франция во Второй мировой войне (1939–1945 гг.) // URL: <https://france.promotour.info/histoire/histoire-38.php#about4> (дата обращения: 28.10.2020).

с выводом доктора исторических наук, профессора М. Супруна, высказанном им в беседе с А. Мозжухиным: «Исходя из концепции ленд-лиза как пула, эта помощь нужна была нашим союзникам ровно настолько, насколько союзники нуждались в Восточном фронте»¹.

Размытость представлений не только о Второй мировой войне, но и о Великой Отечественной наглядно проявилась в ответах на вопросы, представленные в таблице 2. Согласие и колебания мнений по поводу «лесных братьев» и бандеровцев можно было бы объяснить тем, что глагол «оправдать» респонденты восприняли как «объяснить», если бы не совпадение ответов с мнением «Освобождение Прибалтики, Восточной Европы в 1944–45 гг. было оккупацией».

Таблица 2 (Table 2)

Отношение студентов к различным мнениям о Второй мировой войне, %*

Students' attitude to different opinions about World War II, %

Мнения	Отвергаю			Спорно, но обсуждаемо			Можно согласиться		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
В войне виновны и Германия, и СССР	42,5	39,7	45,1	44,5	46,4	42,5	13,0	13,9	12,5
Нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. НЕ было неожиданным	28,4	31,9	32,2	35,0	35,5	30,4	36,6	32,6	37,3
Помощь фашистам («лесные братья», бандеровцы и пр.) можно оправдать борьбой против советского строя, сталинизма, за независимость Украины, стран Прибалтики и др.	42,9	38,2	44,4	43,3	47,0	44,4	13,8	14,8	11,2
Освобождение Прибалтики, Восточной Европы в 1944–1945 гг. было оккупацией	44,4	34,2	43,3	45,4	51,1	45,4	10,2	14,7	11,3
Осквернение могил и снесение памятников советским воинам и полководцам в ряде стран – это декоммунизация (борьба с наследием СССР)	41,5	36,8	43,8	25,0	29,7	27,9	33,5	33,5	28,3

*1. – Волгоград, 2. – Н. Новгород, 3. – Оренбург.

Объективные причины, по которым СССР не мог остановить свои войска на границах до 1939 г., т. к. надо было создавать пояс геополитической безопасности для предотвращения продолжения мировой войны, остаются за пределами интереса и понимания не только молодёжи. Абстрактный гуманизм, основывающийся на историческом невежестве, – вот критерий отношения к любому событию, свойственный некоторой части населения.

¹ Мозжухин А. Положение нашей страны было критическим // URL: https://lenta.ru/articles/2018/02/01/lend_lease/ (дата обращения: 28.10.2020).

В последние годы было немало публикаций и выступлений в российских СМИ о донесениях разведки И. В. Сталину о сроках нападения Германии на Советский Союз. Эта информация в основном подавалась с целью критики руководства СССР за подготовку страны к войне; что и было усвоено значительной частью россиян. Но самым настораживающим в полученных ответах является то, что у студентов нет знаний о причинах Второй мировой войны. Каждый седьмой согласен, что СССР развязал войну совместно с Германией, немногим менее половины допускают такой вариант при наличии аргументов «за». Такое мнение становится исходным посылом для ответов на другие вопросы: доля считающих СССР виновником войны близка долям оправдывающих «лесных братьев» и бандеровцев, считающих освобождение Прибалтики и Восточной Европы в 1944–45 гг. оккупацией. Соответственно, треть находят оправдание сношению памятников советским воинам за рубежом (см. табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

Отношение студентов к сносу памятников советским воинам в странах Запада, % *

*Students' attitude to the demolition of monuments to Soviet soldiers
in Western countries, %*

	1	2	3
Эти страны суверенны и вольны поступать так, как считают правильным. Россия не должна вмешиваться	49,1	45,7	48,6
Нужно сокращать сотрудничество с этими странами	25,8	25,9	23,4
За последние годы открыты архивы, стали известны многие факты, которые заставили пересмотреть роль СССР во Второй мировой войне и послевоенное время	8,8	11,9	8,6
Мне лично всё равно	6,2	7,5	7,2
Это расплата за ошибки СССР в послевоенное время	4,8	3,7	5,0
Другое	5,0	4,7	6,5
Затрудняюсь ответить	0,2	0,3	0,7

*1. – Волгоград, 2. – Н. Новгород, 3. – Оренбург.

Оценивая распределение ответов в предыдущих двух таблицах, согласимся с профессором В. Н. Лексиним, что для русского народа характерен «этнонациональный мазохизм»: «Русские люди всегда любили расковыривать свои неприятности и беды, и этим они очень сильно отличаются от остальных. ... Это, можно сказать, историческая совесть...» [5]. Истоки «совестливости» в форме вечного покаяния по любому поводу закладывались (и закладываются) Русской православной церковью, но это тема другого исследования. Пока же зафиксируем, что историческое сознание молодёжи формируется в матрице «что слышу/вижу, то пою...». Согласимся с выводом, что «помня или рассказывая (себе или другим) о прошлом, личность пользуется принятыми в культуре данного общества интерпретационными схемами, моди-

фицируя их». Сетевой характер современного общества оказывает всё большее влияние на процесс создания нарратива как в автобиографической памяти, и в более широкой социальной памяти сообщества [13, с. 49].

Показательно распределение ответов на вопрос: «Как вы считаете, правительство России достаточно уделяет внимания сохранению памяти о подвигах солдат, офицеров, тружеников тыла времён ВОВ?» Речь идёт не только о памятных местах, а об отношении к истории Великой Отечественной войны в целом (см. табл. 4).

Таблица 4 (Table 4)

**Оценка внимания правительства РФ к сохранению памяти
о подвигах солдат, офицеров, тружеников тыла времён ВОВ, % ***

*Assessment of the attention of the RF government to preserving the memory of the
heroical deeds of soldiers, officers, home front workers during the Great Patriotic War, %*

	1	2	3
Достаточно внимания	37,1	40,0	35,6
Не достаточно внимания	31,3	28,5	28,8
Затрудняюсь ответить	30,0	28,5	33,1
Мне лично всё равно	1,6	3,1	2,5

*1. – Волгоград, 2. – Н. Новгород, 3. – Оренбург.

Колебания ответов по отдельным показателям находятся в рамках статистической погрешности, что свидетельствует о едином историческом поле для всей страны. Региональная история ВОВ практически не сказывается на оценках отношения к памяти о Великой Отечественной войне: отношение к местам памяти не входит в круг интересов практически трети респондентов.

И на нашем (10065 – студенты), и на общем массиве (14065 – студенты, учащиеся СПО, старшеклассники др.) наглядны «две ключевые тенденции в развитии общественного сознания и поведения молодых россиян – условно назовём их для обозначения сущностных характеристик тенденций – «патриотическая» («пророссийская») и «космополитическая» («прозападная»). Первая тенденция свидетельствует о сохранении (в той или иной степени) у значительной части молодого поколения (около 2/3) исторической памяти о Великой Отечественной войне, о её событиях, подвигах, героях, о её значении для нашей страны и всего мирового сообщества. ... Вторая тенденция связана с утратой частью молодёжи глубинной связи со старшими поколениями. Эта часть молодых людей практически не испытывает интереса к историческому прошлому страны, довольно критически настроена по отношению к символам и традициям общества, в большей степени ориентирована на принятие и трансляцию западных либеральных ценностей» [7, с. 144].

Распределение ответов во всех таблицах свидетельствует о формировании политического сознания, отличающегося от сознания военного и послевоенного поколений. Новые поколения «играют идентич-

ностями», противопоставляя себя «предкам», и выбирают те, которые находятся в тренде. Референтные группы молодёжи не в прошлом (в том числе семейном), а в настоящем, которое построено на принципиально иных ценностях, чем те, за которые воевало поколение дедов/прадедов.

Предложений, которые обеспечили бы «защиту исторической правды» в патриотическом спектре СМИ, немало. Так, Модест Колеров, главный редактор информационного агентства REGNUM, предлагает создать государственный институт исторической памяти, который будет координировать и облегчать работу с архивными данными, что позволит обеспечить преподавание истории на более высоком уровне, не даст так просто запутать и внушить ложные факты современному поколению, внести в список обязательного школьного чтения больше литературы о войне, так называемую «лейтенантскую прозу» [3]. Но в России уже немало других институтов, финансируемых государством, работающих «на сохранение исторической памяти», и позиции их сотрудников со времён перестройки хорошо известны. Можно ли гарантировать большую эффективность нового, когда назначения идут из одной и той же «тусовки»?

В РФ много раз поднимался вопрос о создании единых учебников по общественным наукам как информационной основы единства нации и средства от беспамятства. Но какими они будут? Вольное историческое общество провело исследование среди профессиональных историков. Приведём варианты двух ответов на вопрос, какой должна быть «оптимальная» историческая политика.

«Историческая политика должна быть направлена на сохранение и укрепление государства и государственности, основные компоненты которых – исторические уроки, историческая память, патриотическое воспитание общества, молодого поколения, формирование российской гражданской идентичности и т. д.».

«Избавиться от коммунистической топонимики, убрать памятники Ленину, захоронить труп Ленина, снести мавзолей, приравнять преступления сталинизма и фашизма, ввести штрафы за оправдание репрессий. Военный парад с 9 Мая перенести на 12 июня, 9 Мая проводить только Минуту молчания. Отменить праздники 23 Февраля, 8 Марта и 4 Ноября, ввести выходные 22 августа (победа над путчем 1991 г.) и 30 октября (день жертв политических репрессий)» [4, с. 37, 39.]. Не исключено, что именно вторая идеологическая позиция будет положена в основу учебников.

Приведём ещё одно рассуждение. В сентябре 2020 г. вышел Приказ Минпросвещения РФ «О Научно-методическом совете по учебникам»¹. «В состав Совета входят представители федеральных органов государственной власти, субъектов Российской Федерации, общероссийских, региональных, межрегиональных общественных организаций,

¹ Приказ Минпросвещения России от 03.09.2020 N 462 «О Научно-методическом совете по учебникам» (вместе с «Положением о Научно-методическом совете по учебникам») (Зарегистрировано в Минюсте России 05.10.2020 N 60232) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_364100/ (дата обращения: 08.10.2020).

некоммерческих организаций, в том числе научных и образовательных организаций»¹. Обратим внимание на пассаж: научные и образовательные организации будут соревноваться за историческую правду с некоммерческими общественными организациями. Не будет ли Совет очередным мертворождённым ребёнком?

Содержание учебников несомненно зависит от позиции членов различных советов и стоящих за ними лоббирующих структур. Например, в связи с назначением М. В. Мишустина главой Правительства, директор Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. Лихачёва В. В. Аристархов² заявил, что «проведение системной культурно-образовательной политики требует, чтобы руководящие должности в этой системе были заняты людьми одинакового мировоззрения»³. Среди таковых был назван, например, М. Е. Швыдкой, позиционирующий себя и западником, и патриотом⁴, выступающий за реституцию немецких ценностей и поддерживающий проект «Дом-2» К. Собчак. Признаем очевидное: идеология «Дома-2» не тождественна идеологии патриотизма и разрушает не только историческую, но и генетическую память народа.

На фоне заявлений президента о возрождении традиционных ценностей эти примеры прекрасно иллюстрируют невозможность единой государственной позиции по отношению к исторической памяти и формулировке национальной идеи, направленной в будущее. Противоречие это вечно, поскольку закреплено в 13 ст. Конституции РФ: «1. В Российской Федерации признаётся идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. 3. В Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность». Напомним, что ст. 13 входит в ту часть Конституции РФ, которая может быть изменена только Конституционным собранием, закон о котором не принят и не будет принят, так как создаёт формальную, (подчеркнём – формальную!), но не реальную угрозу изменения основ конституционного строя.

¹ Положение о научно-методическом совете по учебникам // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_364100/b9da5066fc970dc3448dedd1e601de78392dd054/. (дата обращения: 08.10.2020).

² Член Высшего совета партии «Единая Россия», ответственный за реализацию нацпроекта «Культура», в 2013–18 гг. первый заместитель министра культуры РФ

³ Владимир Аристархов: Будет ли в новом правительстве Министерство культуры? // URL: <https://portal-kultura.ru/articles/country/310368-budet-li-v-novom-pravitelstve-ministerstvo-kultury/17.01.2020>. (дата обращения: 09.10.2020).

⁴ Михаил Швыдкой: Русский фашизм – объяснимое явление, потому что Россия – единственная страна, считающая себя уязвлённой 91-м годом. Интервью 2009 года. Части I–II. // URL: https://gordonua.com/interview/tv_full/mihail-shvydkoy-russkiy-fashizm-obyasnimoe-yavlenie-potomu-chto-rossiya-edinstvennaya-strana-schitayushchaya-sebya-uyazvlennoy-91-m-godom-189732.html. 24 мая, 2017. (дата обращения: 09.10.2020); Михаил Делягин: Швыдкой – хозяин русской культуры и германский крестоносец // URL: <https://publizist.ru/blogs/20/9417/> 27.04.2015. (дата обращения: 09.10.2020); Михаил Швыдкой: «Дом-2» является полезным явлением для России. 29.04.2009 // URL: <https://gazeta.spb.ru/149973-0/> (дата обращения: 09.10.2020).

К тому же дело не только в плюрализме учебников, позиций политиков и историков, в том числе тех, кто «в системе» и боится, став в ней «нерукопожатным», лишиться социального статуса, не имея элементарного тыла для выживания. Причины кроются прежде всего в общей атмосфере, в которой живет молодёжь. Поэтому благими будут пожелания/советы/мечты об изменении «надстройки», когда рушится «базис» в пользу преднамеренно разрушающих его, так как создают видимость «борьбы за светлое будущее» при её отсутствии.

Но историческая память (в широком смысле слова) жива, в частности, в форме ностальгии, присущей значительной части россиян, и фиксируемой социологическими исследованиями. Например, в опосредованной форме желательного идеала, который не терпит «тёмных пятен».

Желаемое и действительное: разрыв «диалектики»

Для рассмотрения этого тезиса обратимся к двум оригинальным работам. В 2019 г. Д. В. Руденкиным в Екатеринбурге проведено исследование социального самочувствия и актуальных настроений молодёжи, зафиксировавшее своеобразную ностальгию совсем по иному образу жизни, чем тот, что предлагается российскими условиями: «66,7% отметили, что те реалии, которые их окружают, не вписываются в их представление об идеале» (см. табл. 5) [6].

Таблица 5 (Table 5)

Мнение респондентов о ценностных основах идеального и российского общества, %
The opinion of respondents about the value foundations of an ideal and Russian society, %

Ценности	Основы идеального общества	Основы российского общества
Права человека	71,4	6,4
Справедливость	61,6	1,6
Свобода	60,0	10,4
Мораль	51,2	4,0
Закон	50,4	8,0
Семья, дом	41,6	20,8
Доверие	40,8	0,8
Равенство	34,4	4,0
Труд	21,6	12,8
Личный успех	8,8	62,4
Собственность	4,8	56,0
Традиция	4,8	31,2
Выгода	1,6	88,0
Сила	1,6	41,6

Налицо две «пирамиды», причём в первой высока ценность всех вербально провозглашаемых в России ценностей, во второй дана оценка их реализации в российском обществе. Диссонанс между обещанным политиками социальным государством и реальной жизнью порождает внутренний дискомфорт. Если нет доверия к обществу, в котором живёшь, не может быть и целостной мировоззренческой оценки прошлого. И нет уважения к традициям. «Расслоение» оценок возможностей и прав есть предположительно результат социально-экономического противостояния в обществе.

Набор показателей для «лучшего» и «плохого» общества, предложенный в исследовании С. Г. Ушкина и Е. А. Коваль, во многом совпадает с представленным в таблице 5, что свидетельствует о неслучайности их выбора [9, с. 8].

Итак, в сердце молодёжи «стучится» не только искажённая историческая память о прошлом, но и «пепел» несбывшихся идеализированных надежд на реализацию прав, справедливость, нравственность. Утрата большинством населения возможностей удовлетворения значительной части базовых потребностей на желаемом уровне актуализирует позитивную оценку советского периода 1970-х – начала 1980-х гг. Семейные истории доказывают, что ностальгия, характерная для сегодняшнего общества, – это ностальгия о реальном, а не мифическом [11]. Разочарования в «новой» России начались давно – в начале 1990-х гг. В октябре 1995 г. 53% респондентов считали, что было бы лучше, если бы всё в стране оставалось так, как было до «перестройки»; в сентябре 2020 г. – 47% [1].

Зададим вопрос: либо прошлые и нынешние славянофилы приписывали /приписывают российским народам (и прежде всего русскому народу) черты, которые не были для них органичны, и лишь принципиальное изменение социальных условий после 1917 г., обеспечивших вертикальную мобильность по многим социальным лестницам, сформировало повседневный патриотизм (проявившийся во время войны и восстановлении страны после неё) как *новую* цивилизационную ценность. Но стоило сделать первые шаги к рыночным отношениям, столкнувшим эти *новые* гуманистические ценности с реальной рыночной жизнью, как они начали разрушаться. И есть основания полагать, что существующая закономерность – «ни одна цивилизация в случае потери цивилизационных ценностей не выживала. Цивилизации погибали по одной причине – из-за собственной слабости» [5] – может проявиться и в современной России.

Насколько оправдан оптимизм В. Н. Лексина (возможно, рождённый осознанием трагизма ситуации), что эта утрата – временное явление? «Пока всё ещё существующая общность людей с невероятными возможностями консолидации в критических условиях, с совершенно гигантским, феноменальным потенциалом выживания, адаптации к чему угодно. Убеждён, что у нас в стране сейчас происходит политическое, эконо-

мическое и социальное чудо. Этого ничего не должно было быть, но всё это есть. И только потому, что это делает русский народ – терпеливый, способный к работе, когда надо» [5].

Заметим, сказано это в 2018 г., когда ещё не прошли эйфории от возвращения Крыма и от Чемпионата мира по футболу. Однако, хотя в молодёжной среде преобладает положительное отношение к имиджевым событиям, более значимы для неё уровень и качество жизни [12]. Вот почему с большим скепсисом мы относимся к вербально выраженной готовности «умереть за страну»: согласно данным опроса Левада-Центра в 2019 г., положительный ответ дали 65% мужчин и 41% женщин [8]. Гораздо более информативны данные о желании отъезда из России: собирающиеся на «выход» не задержатся на пороге потрясений: после получения образования планируют «жить и работать в России» 41,6%, «всё зависит от того, где предложат хорошую работу» – 33,9%, «за рубежом» – 11,4%. Остальные 12,9% не дали ответа. Колебания по городам, как и прежде, незначительны [9, с. 8].

Подведём итоги

1. Историческая память есть системная проблема, которую не решить с помощью «ручного управления» отдельными точечными программами в сфере законодательства, образования, социальных сетей, СМИ, семейного воспитания.

2. Нами не выявлено знаковых отличий исторической памяти молодёжи, проживающей в регионах России, отличающихся формой «включённости» в события Второй мировой войны, что свидетельствует о большем влиянии общероссийского информационного поля (включающего учебники, социальные сети и СМИ), чем местных инициатив. Мы солидарны с выводом Н. В. Дулиной, что студенты, обучающиеся в вузах городов-героев, по своим патриотическим ценностям/исторической памяти отличаются от студентов других городов страны незначительно [2, с. 129].

3. Большое количество колеблющихся в оценках событий, связанных со Второй мировой войной, свидетельствует, что в сердца студентов «стучит разный пепел». Это социальная база для коллаборационизма при локальных и региональных конфликтах, которые становятся всё более вероятны на границах России и постсоветском пространстве.

4. Принятие законодательных актов о наказании за искажение исторической правды о Второй мировой войне несёт в себе политические риски, поскольку сформированы социально активные сообщества, заинтересованные в «перелицовке истории» под стратегические цели и имеющие серьёзную финансовую и информационную поддержку, в том числе зарубежную. Звание «иностранный агент» редко кого останавливает, когда речь идёт о личной системе ценностей.

5. Патриотизм как мировоззрение нельзя сформировать исключительно на событиях прошлого. Решающим фактором является уровень соответствия желаемого и действительного в повседневной жизни молодёжи, воспитанной в российской «рыночной матрице», в основе которой лежат выгода (88%) и личный успех (62,4%) вместо желаемых респондентами прав человека и справедливости (см. табл. 5). В подтверждение такого вывода выше приведены данные о миграционных планах после окончания вуза. Естественно, жизнь внесёт свои коррективы. Но тенденция отчуждения от собственной страны, формируемая в студенческой среде, тревожна.

Библиографический список

1. Восприятие «перестройки» [электронный ресурс] // URL: <https://www.levada.ru/2020/11/03/vospriyatie-perestrojki/> (дата обращения: 14.11.2020).
2. Дулина Н. В. Города-герои: отражение в зеркалах памяти современных российских студентов // «Спасибо прадеду за Победу... Материалы IV этапа мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне»: коллективная монография / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 352 с.
3. Ершова А. Исторический подлог: кто и как искажает факты о Второй мировой войне // Журнал «Международная жизнь» URL: <https://interaffairs.ru/news/show/25304> (дата обращения: 28.02.2020).
4. Историки в современной России: структура и самоопределение сообщества. М., 2019. 48 с. // URL: <https://volistob.ru/vio-news/istoriki-v-sovremennoy-rossii-struktura-i-samoopredelenie-soobshchestva.18.03.2019> (дата обращения: 30.10.2020).
5. Лексин В. Н. Русской культуре необходим протекционизм. 2018 // URL: <https://kulturomania.ru/column/item/russkoy-kulture-neobkhodim-gosudarstvennyy-protectsionizm/> (дата обращения: 28.10.2020).
6. Руденкин Д. В. Импульсы роста протестной активности российской молодёжи: кейс Екатеринбурга // Конфликтология/nota bene. 2020. № 1. С. 1–14. DOI: 10.7256/2454-0617.2020.1.32326.
7. Симонова Е. В. Историческая память современного студенчества Твери о Великой Отечественной войне // «Спасибо прадеду за Победу... Материалы IV этапа мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне»: коллективная монография / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 352 с.
8. Социологи подсчитали долю российских мужчин и женщин, готовых умереть за страну // URL: https://www.newkaliningrad.ru/news/briefs/community/23605212-sotsiologi-podschitali-dolyu-rossiyskikh-muzhchin-i-zhenshchin-gotovykh-umeret-za-stranu.html?utm_referer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 14.11.2020).

9. Ушкин С. Г., Коваль Е. А. Социальное будущее в представлениях будущих российских юристов // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 3. С. 28–42. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.3.661>.
10. Широкалова Г. С. Историческая правда молодёжи: село vs город // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 28–37. DOI: [10.31857/S013216250010005-8](https://doi.org/10.31857/S013216250010005-8).
11. Широкалова Г. С. Прошлое в настоящем: с ностальгией о реальном или мифическом? // Устная история в современной исследовательской практике на постсоветском пространстве: сборник научных статей / Отв. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2017. С. 204–225.
12. Широкалова Г. С. Студенты и футбол: точки соприкосновения // SocioTime (Социальное время). 2018. № 2 (14). С. 103–112.
13. Шпочиньски А. Значимость прошлого и отношения в социальных сетях // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 3. С. 44–58. DOI: [10.19181/vis.2019.30.3.587](https://doi.org/10.19181/vis.2019.30.3.587).

Статья поступила 14.12.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Широкалова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, профессор, старший научный сотрудник, Приволжский филиал ФНИСЦ РАН, ведущий научный сотрудник Международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории изучения мировых и региональных социальных процессов НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

DOI: [10.19181/vis.2021.12.2.709](https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.2.709)

Historical Memory of the Great Patriotic War: Reasons for Pluralism

Galina S. Shirokalova

Volga Branch of FCTAS RAS, Dobrolyubov national research University, Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: shirokalova@list.ru

ORCID ID: [0000-0003-4089-5446](https://orcid.org/0000-0003-4089-5446)

For citation: Shirokalova G. S. Historical memory of the great patriotic war: reasons for pluralism. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 19–35. DOI: [10.19181/vis.2021.12.2.709](https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.2.709)

Abstract. The article analyzes the results of a sociological study of the historical memory of students about the World War II in general (and the Great Patriotic War in particular), conducted by the Russian Society of Sociologists in 2020, as well as materials from surveys of other research teams. The author comes to the conclusion that historical memory is formed, first of all, by the information field, set by state institutions or encouraged by them (school, mass media, network resources). Contradictory assessment of the events of the twentieth century led to the rupture of the historical memory of generations and the formation of a large group of people ready to accept the revision of the geopolitical results of the war from the standpoint of history falsifiers. The attitude of young people to the past, without taking into account the cause-and-effect liaison of the events of that time, is explained not only by the extinction of communicative memory for the departure of war generations, the desacralization of their life, deed, death. The range of factors is much wider. Since there is no integral picture of the history of the USSR, there

is no value core for assessing events of the Great Patriotic War either. In the absence of historical hygiene in the Russian Federation, the entire Soviet period turns into historical antiques for new generations. They treat this in different ways: with reverence, condescension, aggressiveness, indifference, but it is excessive for the daily life of the majority. The slogan "If required, we repeat / can repeat", replicated on May 9, is nothing more than a short-term emotional reaction, including to PR management, but not the readiness / mindset / promise of action in a real war. The opposition of the state to the country, that is reflected in the popular among young people song of the group Lumen, actually testifies to alienation from both the state and the country, since there is no one without the other. Questions are inevitable: how adequate are the methodologies and techniques based on which social scientists choose the range of factors that form the portrait of modern youth and predict the direction of further socialization of its individual groups? How many meaningful collaborators should there be to lose / win a civilizational battle in which historical memory is only one of the components? According to the author, the conditions and opportunities for the realization of the desired worldview values in modern Russia adjust the attitude to the present and the life strategies of young people to a greater extent than historical memory.

Keywords: youth, students, World War II, Great Patriotic War, historical memory, values, opportunities, Russia

References

1. Perception of «perestroika». Accessed 14.11.2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/11/03/vospriyatie-perestrojki/> (in Russ.).
2. Dulina N. V. Hero Cities: reflection in the mirrors of the memory of modern Russian students. «Spasibo pradedu za Pobedu... Materialy IV etapa monitoringa «Sovremennoye rossiyskoye studenchestvo o Velikoy Otechestvennoy voyne»: kollektivnaya monografiya [“Thank you great-grandfather for the Victory... Materials of the IV stage of monitoring “Modern Russian students about the great Patriotic war”: collective monograph]. Ed. by Yu. R. Vishnevsky: Ministry of science and higher education of the Russian Federation. Yekaterinburg, Ural publishing House, 2020. 352 p. (in Russ.).
3. Yershova A. Historical forgery: who and how distorts the facts about the Second world war. Accessed 28.02.2020. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/25304> (in Russ.).
4. Historians in modern Russia: community structure and self-determination. Moscow. 2019. 48 p. Accessed 30.10.2020. URL: <https://volistob.ru/vio-news/istoriki-v-sovremennoy-rossii-struktura-i-samoopredelenie-soobshchestva> (in Russ.).
5. Leksin V. N. Russian culture needs protectionism. Accessed 28.10.2020. URL: <https://kulturomania.ru/column/item/russkoy-kulture-neobkhodim-gosudarstvennyy-proteksionizm/> (in Russ.).
6. Rudenkin D. V. Impulses of growth of protest activity of Russian youth: the case of Yekaterinburg. *Konfliktologiya/nota bene*, 2020: 1: 1–14. DOI: 10.7256/2454-0617.2020.1.32326 Accessed 08.11.2020. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32326 (in Russ.).
7. Simonova E. V. Historical memory of the modern students of Tver about the great Patriotic war. «Spasibo pradedu za Pobedu... Materialy IV etapa monitoringa «Sovremennoye rossiyskoye studenchestvo o Velikoy Otechestvennoy voyne»: kollektivnaya monografiya [“ Thank you great-grandfather for the Victory... Materials of the IV stage of monitoring “Modern Russian students about the great Patriotic war”: collective monograph]. Ed. by Yu. R. Vishnevsky: Ministry of science and higher education of the Russian Federation. Yekaterinburg: Ural publishing House. 2020. 352 p. (in Russ.).
8. Sotsiologi podschitali dolyu rossiyskikh muzhchin I zhenshchin gotovykh umeret za stranu. Accessed 14.11.2020. URL: https://www.newkaliningrad.ru/news/briefs/community/23605212-sotsiologi-podschitali-dolyu-rossiyskikh-muzhchin-i-zhenshchin-gotovykh-umeret-za-stranu.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (in Russ.).
9. Ushkin S. G., Koval E. A. Social future in the views of future Russian lawyers. *Vestnik Instituta sotziologii*, 2020: 11: 3: 28–42. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.3.661> (in Russ.).
10. Shirokalova G. S. Historical truth of youth: village vs city. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2020: 9: 28–37. DOI: 10.31857/S013216250010005-8 (in Russ.).

11. Shirokalova G. S. Past in the present: with nostalgia for the real or the mythical? *Ustnaya istoriya v sovremennoy issledovatel'skoy praktike na postsovetском prostranstve: sbornik nauchnykh statey* [Oral history in modern research practice in the post-Soviet space: collection of scientific articles]. Ed. by T. K. Shcheglov. Barnaul: Altai state pedagogical University, 2017: P. 204–225 (in Russ.).
12. Shirokalova G. S. Students and football: the point of contact. *SocioTime (Sotsial'noe vremya)*, 2018: 2(14): 103–112 (in Russ.).
13. Spocinski A. The significance of the past and attitudes in social networks. *Vestnik Instituta sotsiologii*, 2019: 10: 3: 44–58. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.587 (in Russ.).

The article was submitted on: December 14.2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Galina S. Shirokalova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Senior researcher, Volga Branch of FCTAS RAS, Leading Researcher At the international interdisciplinary research laboratory for the study of world and regional social processes of the Dobrolyubov national research University, Nizhny Novgorod, Russia